

Начало и причины эскалации Гражданской войны в современной российской историографии

И.В. Михайлов

В статье исследуются основные тенденции современной историографии в освещении Гражданской войны в России. Анализируя широкий круг работ, вышедших за последние два десятка лет, автор пытается найти ответ на главный вопрос: кто несет ответственность за развязывание жесточайшей в истории Гражданской войны.

Переломные моменты истории всегда притягивают внимание не только профессиональных историков. Проблематика революций и гражданских войн имеет обыкновение периодически актуализироваться в связи с политикой. Классический пример такого рода представляет ситуация в российской историографии последних 10–15 лет. Автор не претендует на охват всего массива публикаций, общее число которых составляет несколько сотен, в статье речь пойдет о наиболее общих тенденциях в анализе этого явления.

В прошлом официальная советская историография намеренно отделяла «Великий Октябрь» от «защиты его завоеваний», не допуская рассмотрения происшедшего как целостного процесса системного кризиса империи¹. Увы, ложная идеологическая традиция стала ломаться не менее нелепым образом. Если раньше начало Гражданской войны (развязанной контрреволюцией и международным империализмом) историки-марксисты отодвигали к лету 1918 г., то теперь они же перемещают его к февралю 1917 г. Это делается и делается для того, чтобы «снять вину» начала Гражданской войны с большевиков.

Очевидно, что эти авторы боятся признать, что, провозгласив 25 октября 1917 г. курс на мировую революцию, большевики на деле развязали внутринациональную Гражданскую войну – неслучайно

сразу после переворота со стороны «пролетарской» власти последовали угрозы даже в адрес рабочих². С этого момента Гражданская война стала социальной реальностью. И тем не менее в умах представителей разных партий сохранялись иллюзии относительно ее действующих лиц, параметров, продолжительности. Так, меньшевики через неделю после переворота заявляли, что если пролетариат не сможет как можно быстрее преодолеть большевизм, то страна будет ввергнута в Гражданскую войну, невиданную по жестокости и кровопролитию. Непонимание причин и «виновников» Гражданской войны сохраняется до сих пор.

Масла в огонь подлили рассуждения А.И. Солженицына о Февральской революции³, в которых Нобелевский лауреат заявил, что падение самодержавия предрешило скатывание страны к Гражданской войне. Возникла, точнее, продолжилась дискуссия относительно оценки роли революции в истории России⁴. И здесь выяснилось, что иные прокоммунистические авторы в своих рассуждениях по этому поводу сомкнулись с современными радикал-патриотами и квазимонархистами. То есть вопрос еще более запутался.

За последнее 10–15 лет о Гражданской войне в России было написано немало: были переизданы многочисленные воспоминания (почти исключительно белогвардейцев), появился ряд историо-

■ 2012 – Год российской истории

графических работ⁵, однако составить из этих трудов представление о механизмах перерастания революции в открытое вооруженное столкновение с контрреволюцией из опубликованных трудов практически невозможно⁶.

Основная масса указанных публикаций откровенно слаба с методологической точки зрения. Их авторы уходят от постановки теоретических вопросов, предпочитая фактографические описания частных сюжетов. В целом преобладает дилетантский интерес к данной проблематике, а потому в историографии проблемы скорее накапливаются все новые и новые вопросы, нежели находятся ответы на них. К примеру, известны попытки умозрительного конструирования эсеровской альтернативы большевизму⁷.

Само по себе понятие «гражданская война» способно дезориентировать недостаточно подготовленных авторов. Чему отдать предпочтение: «гражданскому» или собственно «военному» ее компоненту? Естественно, если возникают трудности с определением накала гражданского (социального) противостояния, упор приходится делать на чисто военную – как в обычной войне – составляющую. Но с какого момента получают преобладание силовые действия одной части общества против другой? Как определить, кто первым выстрелил? И каково соотношение революции и гражданской войны? Как определить, наконец, по чьей «вине» политический процесс трансформируется в чисто военный?

Вопрос о соотношении революции и Гражданской войны основательно запутался в связи с безоглядной апологетикой белых. Некоторые авторы даже объявляют, что «вся Гражданская война – это противостояние между Февралем и Октябрем»⁸, не задумываясь о том, что белогвардейцы – среди которых первое время преобладала отчаянная молодежь – за такие сравнения могли бы поставить к стенке. С другой стороны, заметно стремление некоторых историков выводить террористические реалии Гражданской войны, а затем и всей сталинской эпохи из марксистской доктрины⁹.

Забывается, что революция и Гражданская война в России связаны с мировой войной и последовавшей в результате ее кризиса империи. В связи с этим механическое применение доктрины тоталитаризма и использование ленинской идеи превращения Советской России в «единный военный лагерь» в качестве методологического ориентира чревато игнорированием болезненно, но неизбежного процесса распада старых имперских связей – они не могут быть необычайно многомерными. Стремление некоторых авторов показать взаимодействие революционной доктрины с жизненными реалиями обычно оказывается недостаточно убедительным именно из-за слабого представления о сложной внутренней динамике этого явления. Между тем революция и Гражданская война были связаны, помимо всего, с психопатологическим состоянием общества, о котором историки заговорили сравнительно недавно¹⁰.

Как же в таких условиях раскручивался маховик Гражданской войны? Какие факторы здесь проявили себя? Как сложилась ситуация, когда примирение сделалось невозможным? Безусловно, к числу первых проявлений Гражданской войны следует отнести так называемый мятеж Керенского–Краснова. Характерно, что попытки Центрального исполнительного комитета Всероссийского железнодорожного союза (Викжель) примирить враждующие стороны дали обратный эффект. В дни переворота Викжель невольно помог большевикам, блокировав передвижение казачьих войск на Петроград, а затем не допустив передачи по железнодорожному телеграфу обращения Временного правительства к населению¹¹. Тем не менее В.И. Ленин оценил действия Викжеля как пособничество вооруженной контрреволюции. В ряде случаев Викжель действительно мешал продвижению большевистских отрядов, но это также не снизило накала противоборства. При этом Викжель возненавидели и справа, и слева, хотя он пытался предотвратить Гражданскую войну на базе создания «однородного социалистического правительства»¹². В это время в искренность любых намерений противники перестали верить.

Примиренческие попытки некоторых социалистов с самого начала смотрелись донкихотством. На совещаниях при Викжеле правые социалисты предложили следующие условия перемирия: отказ рабочих от сопротивления войскам Керенского; передача гарнизона в руки городского самоуправления и роспуск ВРК¹³. Большевики выставили прямо противоположные условия: признание решений съезда Советов, ответственность всех социалистов перед большевизированным ВЦИК. Поведение Л.Б. Каменева, который вроде бы соглашался на уступки, вызвало гнев В.И. Ленина. С другой стороны, заявления Викжеля о том, что за большевиками идет сила, с которой следует считаться, А.Ф. Керенский воспринял как предательство. Ленин тем временем доказывал, что Викжель «стоит на стороне Калединых и Корниловых»¹⁴.

Имитируя переговоры с колеблющимися и примиренческими элементами, большевики с самого начала стали жестко подавлять любую возможность сопротивления в столице. Так, сообщалось, что в начале ноября только на Преображенском еврейском кладбище было предано земле до 50 жертв их террора. Среди них оказались тела 36 юнкеров военных училищ, убитых при «разоружении» Владимирского военного училища, тела некоторых из них были «страшно обезображены»¹⁵. Говорить о том, что переворот в столице произошел «бескровно» (а именно на этом настаивала советская историография), нет оснований.

К числу послеоктябрьских акций Гражданской войны можно отнести и события в Москве. Здесь, как ни парадоксально, лидеры противоборствующих сил упорно и искренне пытались договориться, но это не только не спасло положение, но и до предела запутало и обострило ситуацию. Сразу же после известия о низложении Временного правительства солдаты Московского гарнизона

захватили почтамт и телеграф. После этого на совещании бюро всех фракций Советов в присутствии командующего Московским военным округом К.И. Рябцева было решено создать из представителей городского и земского самоуправления, Советов, штаба округа, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов временный демократический орган для «охраны революционного порядка». С этим согласились даже большевики, рассчитывавшие на постепенное оттеснение от власти своих противников. Камнем преткновения стал вопрос о том, под эгидой какой организации произойдет создание этого органа. Рябцев готов был уступить первенство в этом деле Советам, но под влиянием угроз справа согласился на то, что «силы демократии» возглавит городская Дума¹⁶. После этого он едва не стал жертвой насилия сперва со стороны солдат (спасли его лидеры московских большевиков), а затем офицеров и юнкеров.

Любые попытки примирения уже тогда оказались обреченными на провал. В конечном счете пятидневные бои в Москве все же удалось прекратить, но убитых хоронили раздельно – большевиков у Кремлевской стены под революционные гимны, торжественно и с «каким-то мстительным настроением»; юнкеров, студентов, сестер милосердия – на Братском кладбище по православному обряду¹⁷. В связи с этим следует заметить, что эскалации Гражданской войны соответствовал рост социальной непримиримости – особенно в Петрограде. Бессудные убийства офицеров становились обычным делом. По городу разносились слухи, что гарнизон Петропавловской крепости намерен расправиться со всеми находящимися там под арестом царскими сановниками и кадетами. Позднее дело доходило до того, что охранять их от расправы приходилось самим чекистам¹⁸.

Тем временем на Юге России уже разворачивались активные военные действия¹⁹. Большевики 3 декабря объявили Украинскую Центральную раду контрреволюционной за то, что она пропускает на Дон казачьи части и тем самым оказывает поддержку «кадетско-калединскому заговору». Центральной раде предлагалось либо отказаться от такой политики, либо считать себя в состоянии войны против Советской власти²⁰. Ответ Центральной рады был также скор, непримирим и воинственен²¹.

Время для большевистского заявления было выбрано неслучайно – в этот день предполагалось открытие Всеукраинского съезда Советов, на котором большевики собирались «законно» отстранить Центральную раду от власти. Однако на съезде Советов они оказались в ничтожном меньшинстве. 5 декабря, выступая перед его делегатами, Петлюра заявил: «На нас готовился поход! Мы ощутили, что нам, украинским демократам, в спину кто-то готовит нож... Большевики концентрируют свое войско для разгрома Украинской республики... Первые эшелоны из Гомеля подходят к Бахмачу...»²².

Большевиков между тем в это время больше беспокоили не украинские националисты, а донская контрреволюция. Как бы то ни было,

после панических заявлений Петлюры верные Центральной раде войска отказались пропустить через Бахмач несколько большевистских полков. Украинские политики опасались, что ухудшение взаимоотношений с Доном приведет к тому, что Украина окажется во враждебном окружении. Поэтому было решено пропустить казаков на Дон и в то же время представить Донскому правительству ноту протеста по поводу террора казаков против украинского населения²³.

Западные авторы обычно склонны связывать начало Гражданской войны в России с разгоном большевиками Учредительного собрания²⁴. Действительно, большевики планомерно и небезуспешно вели кампанию по дискредитации Учредительного собрания. Накануне его открытия они намекнули, что намерены рассматривать любую попытку «со стороны какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти... как контрреволюционное действие» и подавлять ее «всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы»²⁵.

По некоторым данным, часть контрреволюционного офицерства действительно намеревалась прибыть на открытие Учредительного собрания с припрятанным оружием²⁶, офицеров, недовольных большевиками, хватало и в самой столице, но дело в том, что к этому времени ни в Петрограде, ни в Москве вряд ли кто-либо решился выступить с оружием в руках – это активизировало бы многочисленных солдат, ведущих себя относительно мирно лишь постольку, поскольку никто не отваживался противостоять им. Тем не менее большевики паниковали – в день открытия Учредительного собрания они объявили, что против них объединятся все силы контрреволюции, руководимые Савинковым, Керенским и даже якобы специально прибывшим с Дона Калединым²⁷.

Как известно, Учредительное собрание оказалось «эсеровским», что автоматически делало его в глазах кадетов неспособным к восстановлению в стране порядка²⁸. Это, как им казалось, давало им право на открытое военное сопротивление. Большевики, со своей стороны, были уверены, что против них уже ведет Гражданскую войну генеральская контрреволюция²⁹. Таким образом, после 25 октября все стороны – большевики, анархисты, умеренные социалисты, местные национальные лидеры, кадеты, генералитет, устремившиеся на Дон юнкера и офицеры – ощущали себя в состоянии Гражданской войны. Именно об этом в несколько завуалированной форме писал В.Д. Поликарпов еще в 1970-х гг. Но тогда подобная точка зрения вызвала жесткое неприятие ревнителей марксистской догмы, стремящихся, с одной стороны, связать Гражданскую войну с мифическими «походами Антанты», с другой – настаивающих на непременно «классовом» характере всякой контрреволюции.

В известном смысле кровавые события в столице накануне открытия Учредительного собрания были вызваны поведением военной контрреволю-

ции Юга России. 27 декабря 1917 г. появилась декларация штаба Добровольческой армии, где идея Учредительного собрания вроде бы поддерживалась. Характерно, что автором декларации был Б.В. Савинков, безусловно считавший, что было именно так. А окончательный текст редактировался П.Н. Милоковым, чья искренность в отстаивании этой идеи выглядит более чем сомнительной. А что касается лидеров Добровольческой армии, то они определенно были против Учредительного собрания «образца 1917 г.»³⁰.

Как бы то ни было, большевики лишний раз уверились, что вокруг Учредительного собрания группируется «вся контрреволюция». Их левые противники, со своей стороны, решили, что за ними «вся Россия», что дает им право на защиту российской конституанты вооруженным путем. В такой нервной обстановке эксцессы делались неизбежными. Как известно, сведения о расстреле манифестантов и количестве жертв противоречивы. Получается, что жертв было до 30 человек из примерно 50 тыс. демонстрантов³¹. Как обычно, ходили преувеличенные слухи о количестве погибших, о чудовищности расправ³². После этого возвращение к мирной ситуации сделалось невозможным.

Еще одним актом Гражданской войны в центре России можно считать события в Москве 9 января 1918 г. Власти задумали провести в годовщину Кровавого воскресения на Лубянской площади демонстрацию под лозунгом «За власть Советов!». Раздались провокационные выстрелы, милиционеры и красногвардейцы открыли беспорядочный ответный огонь, перепуганные демонстранты – по официальным данным, 200 тыс. – в страхе разбежались. Убитых и раненых власти насчитали «не более» 30 человек. Местные большевики тут же объявили, что «уцелевшие остатки белой гвардии и контрреволюционного офицерства» расстреляли шествие рабочих и солдат с крыш домов. Отсюда следовал вывод: вести Гражданскую войну так, чтобы «отбить у буржуазии всякую возможность нападать на рабочий класс»³³.

Гражданская война стала неуклонно разрастаться и в связи с национальным вопросом. Польские соединения, которые начали создаваться еще при самодержавии, старались держаться в стороне от «русской» Гражданской войны. 31 октября Главный военный польский комитет выпустил воззвание, в котором отметил, что «свободе угрожает братоубийственная война» и ни «один поляк не должен принимать участия» в ней. Однако дислоцированный в Белгороде польский запасной полк, разросшийся до 17 тыс. солдат, не смог удержать нейтралитет. Сначала он, поддавшись на большевистскую агитацию, отказался следовать приказам Довбор-Мусницкого, а в конце ноября воспрепятствовал попытке корниловцев прорваться на Дон³⁴. В связи с этим в эсеровской газете даже появилось сообщение, что «поляки присоединились к большевизму»³⁵. Однако большевики вскоре разоружили полк из-за нежелания его солдат выступить против Каледина. Вслед за

тем в Москве был арестован Главный военный польский комитет³⁶. В декабре большевики начали готовить переброску латышских стрелков в район дислокации корпуса Довбор-Мусницкого. Одновременно из местного населения формировалась Красная гвардия, призванная защитить крестьян от бесчинств легионеров³⁷. Так возник еще один очаг Гражданской войны.

Сформированное в Харькове большевистское «украинское» правительство 4 января объявило войну Центральной раде. В ответ киевские власти разоружили красногвардейцев завода «Арсенал» и ряда других предприятий, было арестовано свыше 200 организаторов готовящегося большевистского восстания. Тем временем на Украину двинулись московские большевики, захватившие Полтаву³⁸, в конце января около 7 тыс. их войск уже сосредоточились на окраинах Киева. Помимо войск Центральной рады город защищали юнкера, студенты и офицеры. Город был подвергнут артиллерийскому обстрелу, начались пожары, сгорел дом председателя Центральной рады М.С. Грушевского³⁹. В ночь на 26 января украинское правительство оставило Киев. А 31 января на переговорах с германским командованием в Бресте делегация Украинской народной республики обратилась с меморандумом к Германии и Австро-Венгрии с просьбой о военной помощи против агрессии Советской России. С австро-германской стороны в тот же день было получено согласие.

Очаги вооруженного противостояния возникли повсеместно. В конце ноября в Грозном чеченцы произвели массовый налет и подожгли Новые Промыслы, при этом были убиты среди русских рабочих. Городу был поставлен ультиматум: вывести из него русские войска и сдать власть Чеченскому комитету. Нападениям также подверглись Владикавказ и Петровск⁴⁰. 12 января 1918 г. в Астрахани началось антибольшевистское восстание, в котором активное участие приняли калмыки⁴¹.

Попытки большевиков воссоздать старые имперские хозяйственные связи силовым путем (а иногда им не оставалось) вызывали сопротивление на местах; их доктринальный порыв тонул в массу насущных практических вопросов. Западные авторы отмечают, что деятельность местных большевиков отмечена явными сепаратистскими тенденциями, хотя их вынужденное местничество вовсе не угрожало центру и партийному диктату⁴².

Обычно современные авторы не учитывают степени накала тогдашних социально-политических страстей. Это усугубляется тем, что еще в конце 1980 – начале 1990-х гг. среди советских историков стала популярна концепция «равной ответственности всех участников Гражданской войны за проводимый тогда террор и убийства мирных жителей». В то время это был шаг по отходу от официальной версии, обвинявшей в развязывании Гражданской войны белогвардейцев и зарубежных империалистов. Ныне некоторые авторы по этой же схеме решают вопрос и о причинах Гражданской войны – за ее развязывание ответственны «все». Не учитывается, что эскалация вооруженного кон-

фликта могла быть связана даже с естественным желанием преодоления социального хаоса.

Исследователи в своем большинстве забывают, что антибольшевистское движение выросло из мировой войны, которую большевики стремились превратить в мировую революцию. Не учитывается и то, что белогвардейцы не просто были ожесточены против этих «германских пособников» – значительная их часть возненавидела всякую «политику». «Эгоистичность и безразличие офицеров, которые вошли в поговорку и всегда являлись частью старой, имперской системы, никогда не обеспечивали даже лучшим из них непоколебимую верность их солдат, многие из которых стали бы отличными солдатами, если бы имели хороших офицеров»⁴³, – писал о белогвардейцах английский офицер, воевавший на их стороне.

Подобно тому как ранее существовал обычай представлять большевиков миротворцами, ставшими жертвой международного империализма, в некоторых современных работах белогвардейцы выступают носителями всех мыслимых демократически-патриотических добродетелей. Но даже не эта тенденция поражает больше всего. Гражданская война теперь исследуется почти исключительно со стороны противников большевизма⁴⁴. Примерно так, как в советские времена ее исследовали исключительно как «войну красных». Отсюда громадное количество агиографических работ, посвященных лидерам Белого дела⁴⁵. С этим же связано крайнее упрощенчество в описании противоборствующих сил. Изложение Гражданской войны как многостороннего противоборства военных и политических сил – большая редкость⁴⁶. Историографы, пытающиеся вернуться к изучению войны, ведущейся большевиками, вольно или невольно констатируют, что особых новаций, да и количественных приращений, здесь незаметно⁴⁷. Апологетикой белых особенно увлечены люди малосведущие. Один из исследователей в связи с этим поставил такой диагноз нынешнему состоянию историографии Гражданской войны: «...историки предпочитают уступать эту честь дилетантам, ну а они-то, как известно, стесняться не привыкли»⁴⁸.

Такая ситуация сохраняется. Иначе как называть рассуждения по поводу «восстановления единой историографии» Гражданской войны, которая «долгое время была искусственно разъединена, изолированные исследовательские потоки» – советский, эмигрантский, западный⁴⁹:

– во-первых, очевидно, что это разъединение вовсе не было «искусственным» – это естественный результат самой Гражданской войны;

– во-вторых, чтобы установить «восстановление единства», следовало бы прежде проследить источниковую базу, методологию и выводы «исследовательских потоков», а это не сделано;

– в-третьих, научное единство не определяется общим эмоциональным настроением исследователей;

– в-четвертых, наконец, нельзя констатировать «исследовательское единство» на основании одной лишь апологетики белых.

В значительной степени ситуация исследовательской неопределенности связана «с поиском виновных» за развязывание Гражданской войны. Не приходится пояснять, какого рода этнофобский уклон он может принять в современных условиях. В связи с этим заметным научным событием стала книга О.В. Будницкого «Российские евреи между красными и белыми». Автор показал, что вокруг этой проблематики всегда существовала масса антисемитских предрассудков. Без «еврейских денег» антибольшевистское движение на Юге России не смогло бы так быстро набрать силу⁵⁰, но это не помешало белым генералам оставаться антисемитами, а добровольцам устраивать погромы. В.И. Ленин признавал, что именно безработные евреи, пришедшие в большевистские канцелярии после октябрьского переворота, помогли сорвать саботаж чиновничества и «овладеть государственным аппаратом». А между тем красноармейцы грабили и громили еврейское население. Даже идейное окружение Н.И. Махно состояло из евреев, а между тем его селянское воинство наводило на жителей местечек неопишущий ужас. Часть евреев поддержала С.В. Петлюру (его вряд ли можно отнести к числу принципиальных антисемитов), воинство которого снискало себе жуткую славу главных погромщиков⁵¹.

Совершенно по-новому предстает начальный период Гражданской войны в блестящей книге С.В. Карпенко, формально посвященной финансово-экономическому положению южной контрреволюции⁵². Собственно финансы занимают в работе не столь значительное место. Однако постоянное обращение к этой тематике позволяет по-новому взглянуть на начало противоборства и исторические шансы Белого дела. Итак, насколько серьезную роль сыграли деньги в неудачах белых? Чисто теоретически Гражданская война могла вернуться по иному сценарию, попади в руки белых генералов значительные средства. Это, несомненно, многократно усилило бы приток добровольцев из числа безработных офицеров. Однако донской атаман А.М. Каледин, опасаясь местных социалистов, дистанцировался от Алексеевской организации, предприниматели Юга России, надеясь на скорое падение большевиков, ограничились выплатой ничтожных сумм.

Получился заколдованный круг: без больших денег нельзя сформировать внушительную силу, а без нее предприниматели не склонны были жертвовать даже малым. Характерно, что М.В. Алексеев трезво оценивал возможные пути «экономического освобождения» России: от создания на Юге России прочной промышленно-экономической базы, призванной обеспечить нормальный продуктообмен с общероссийским населением, до оперативного использования для этой же цели имеющихся хлебных запасов. Однако силы контрреволюции оставались разобщенными: столичные «общественные деятели», едва собрав ничтожные суммы, стали претендовать на главенствующую роль в «гражданском управлении». Ходили слухи, что московские финансисты переводят деньги не Алексееву, а Ка-

■ 2012 – Год российской истории

ледины. В результате «белые генералы», претендующие на создание всероссийского центра борьбы с «изменниками Родины», вынуждены были поддаться на «казачий кошт».

Ситуацию усугубило прибытие в Новочеркасск Л.Г. Корнилова, пользовавшегося сомнительной репутацией у Алексева. К тому же авантюристичный помощник Корнилова В.С. Завойко вздумал не ко времени монополизировать сбор средств на Белое дело. Финансовое положение несколько стабилизировалась лишь к середине декабря 1917 г.: столичные деятели убедили Ростовское отделение Госбанка выдавать Донскому правительству на расходы Добровольческой армии 25% всех налогов и сборов области, предназначенных к передаче в государственную казну. Но тут разразился конфликт между скуповатым Алексевым и авторитарным Корниловым, требовавшим непосредственного доступа к деньгам⁵³.

Контрреволюция безнадежно упустила время и деньги: 14 декабря 1917 г. большевики захватили петроградские банки и ввели госмонополию на банковское дело, а между тем частные пожертвования оказались ничтожными. Казалось, белым помогут правительства Д. Ллойд Джорджа и Ж. Клемансо, однако их послы не могли отыскать каналы переправки денег на Дон, а потому с их стороны помощь оказалась ничтожной. Позднее А.И. Деникин писал, что из 100 млн франков (500 млн руб.), выделенных французским правительством еще в декабре 1917 г., до него дошло только 10,5 млн руб.⁵⁴.

В сущности, большая часть 1918 г. ушла у Алексева на отчаянные поиски не только средств, но и чисто физического пристанища для своей немногочисленной армии, скитающейся по территориям Донского и Кубанского правительств. Особенно горький осадок оставило в душах генералов упорное уклонение от помощи подавляющего большинства крупных финансистов, промышленников и торговцев. В значительной степени такое положение стало производным от неясности устремлений лидеров добровольцев – подобно либеральным политикам, они не могли определиться, кого считать главным врагом: то ли немцев, то ли их «пособников» в лице большевиков и всевозможных сепаратистов. А тем временем последние думали лишь о стабилизации собственной власти.

Разобраться в многомерном характере Гражданской войны, особенно рельефно проявившем себя в самом ее начале, весьма не просто. И все же из ряда работ последних лет можно заключить, что против большевиков с самого начала стала работать вся многоликая и многоукладная – пусть разрушающаяся – старая система. Эскалация военных действий была связана с обилием анархистствующих солдат старой армии и всевозможных бандитствующих маргиналов. Оказалось, что «анархия нового» победила «хаос» разваливавшейся старой системы.

В прошлом тон в изучении Белого движения задавали легковесные авторы, первыми добравшиеся до хранящихся в спецхранах воспоминаний белогвардейцев. Судя по всему, это время

прошло, хотя мемуары белогвардейцев продолжают переиздаваться самыми разными издательствами под новыми обложками. Издания времен перестройки и первой половины 1990-х гг. уступают место более серьезным публикациям. Так, С.В. Смолин⁵⁵ показал, что Белое дело не было просто альтернативой большевизму, его задачи и неудачи определялись приложением самых различных интересов и сил, начиная от внутрисоциальных и кончая геополитическими. Из книги видно, до какой степени поражения белых были связаны с ходом мировой войны – после победы державы Антанты стали терять интерес к их борьбе. Получается, что в той мере, в какой большевики отрицали мировую войну, их действия обретали международный резонанс, как только они сконцентрировались на борьбе со своими противниками внутри страны, их действия превратились в террористический опыт обуздания традиционной русской смуты. Подтвердили это работы С.В. Карпенко⁵⁶ и В.Ж. Цветкова⁵⁷. Обозначились и новые направления изучения событий того времени в антибольшевистском лагере⁵⁸.

В последние годы заметно обогатилась тематика исследований. В 2003 г. появилась солидная по объему энциклопедия Белого движения. Хотя содержание ее несколько разочаровывает: это справочный материал, включающий в себя персоналии и подразделения частей белых армий⁵⁹, составленный главным образом по воспоминаниям эмигрантов – участников антибольшевистского движения. Но нельзя не признать, что без подобных работ обстоятельно изучать проблему уже невозможно. Был издан объемистый фотоальбом «Белая Россия», отражающий различные аспекты антибольшевистской борьбы⁶⁰. Но в целом работы о противоречиях в стане белогвардейцев до сих пор составляют редкость⁶¹, недостаточно изучены и противоречия между противниками большевизма, а это позволило бы основательнее взглянуть как в истоки, так и в итоги Гражданской войны.

Особое место в современной историографии Гражданской войны издавна занимал вопрос об Ижевско-Воткинском восстании 1918 г. Советская историография упорно обходила это событие: восстание рабочих против «своей» власти не вписывалось в общую концепцию «классовой» Гражданской войны. К настоящему времени «классово-политический» подход к событиям такого рода практически преодолен⁶²: исследователи показали, что дело вовсе не в «мелкобуржуазности» ижевских и воткинских рабочих и не в «происках» меньшевиков и эсеров – антибольшевистскими настроениями были проникнуты все слои общества из-за политики «военного коммунизма»⁶³.

Существенный вклад в понимание отношения рабочих к большевистской власти вносит сборник документов «Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»»⁶⁴. Эту публикацию можно считать серьезным научным событием. Хотя материалы, относящиеся к периоду Гражданской войны, занимают менее половины его объема, но приводимые в нем документы ясно свидетельствуют: «диктатура

пролетариата» относится к числу мифов, несостоятельность которого стала ясна самим представителям «гегемона революции» уже весной 1918 г.

Что касается последующего периода Гражданской войны, то, как видно из документов, безусловно, преобладали настроения протеста против большевистской власти, которую рабочие отнюдь не считали «своей» в силу тяжелого экономического положения. Нечто подобное происходило и в других центрах. Хотя большевистское руководство упорно связывало протестные действия рабочих с враждебной агитацией меньшевиков и эсеров, положение было намного серьезнее из-за ухудшения экономического положения⁶⁵. К сожалению, не только публикации документов, посвященные рабочим, но и исследовательские работы становятся редкостью.

В значительной степени растущее ожесточение Гражданской войны было связано с тяготами быта. Усилиями петербургских историков удалось показать некоторые аспекты бытовой жизни, связанные с воцарением большевиков. В монографиях В.И. Мусаева и А.Ю. Давыдова показаны разгул преступности и распространение мешочничества⁶⁶. В литературе, посвященной положению дел у большевиков, обнаруживаются показательные новации. Конечно, по-прежнему значительное внимание уделяется исследованию казачьих⁶⁷ и крестьянских антибольшевистских выступлений на региональном уровне⁶⁸. Наряду с этим выходят обстоятельные работы, посвященные эскалации крестьянского бунтарства⁶⁹.

Особо следует выделить серию примечательных как в источниковедческом, так и в методологическом отношении:

– исследований С.В. Ярова по Северо-Западу России⁷⁰;

– работ В.В. Кондрашина, основывающихся на материалах Поволжья⁷¹;

– фундаментальных публикаций В.И. Шишкина о сибирских повстанцах⁷². Можно указать и на публикации зарубежных авторов⁷³. В общем, наметилась тенденция к оценке крестьянских выступлений как явлений деструктивного порядка⁷⁴.

На этом фоне явно дилетантским выглядит заключение одного из современных историографов о том, что «остается не до конца исследованным самый главный вопрос: почему и у белых, и у красных был один противник – крестьянство?». По мнению автора, этот вопрос является «новым» в постсоветской историографии⁷⁵. На деле антисоветскими выступлениями крестьянства советские историки занимались давно, причем собрали весьма основательный материал. Другое дело, что адекватных объяснений причин крестьянских выступлений «классовая» историография дать не могла. Для ответа на этот вопрос следовало бы исходить из идеи «общинной революции» – принципиального противостояния крестьянства государственности, не желавшей учитывать его естественные интересы⁷⁶. «Общинную революцию» подтолкнули продотрядовские походы в деревню, бесчинства комбедовцев и мобилизационные акции; аграрная политика

белогвардейцев с ее ощутимой угрозой восстановления помещичьего землевладения также ничуть не привлекала крестьян.

Наиболее обстоятельной работой, посвященной крестьянским выступлениям, остается монография Т.В. Осиповой⁷⁷. Вместе с тем ее книга (а начата она была еще в «застойное» время) не свободна от характерных анахронизмов. Так, в оценках крестьян сохраняется «большевистская» терминология: «кулаки», «середняки», «бедняки» и т.п. Довольно однообразно – в соответствии с большевистскими документами – преподносится мотивация крестьянского бунтарства: чаще виной всему объявляется «контрреволюционная агитация». И тем не менее более обстоятельной книги о крестьянском противостоянии большевистской диктатуре все еще не написано. Вышедшая несколько позднее книга В.Л. Телицына⁷⁸, к сожалению, уступает монографии Осиповой в фактологическом отношении, к тому же она также слаба в методологическом отношении. Единственным элементом «новизны» является стремление автора лишний раз продемонстрировать жестокость большевиков. В отличие от него, В.А. Пылькин собрал колоссальный материал, касающийся отношения крестьянства Центральной России к Гражданской войне, хотя и воздержался от сколько-нибудь решительных выводов⁷⁹.

Как бы то ни было, из этих работ видно, что стремление крестьян остаться в стороне от «городской смуты» заметно повлияло на рост ожесточения и со стороны красных, и со стороны белых. К чему же можно свести итог историографического десятилетия применительно к проблеме изучения истоков Гражданской войны в России?

Представляется, что изучение «смуты прежней» в условиях «смуты нынешней» не могло не дать неопределенного и даже странного результата. С одной стороны, налицо волна нового мифотворчества (в форме разоблачения большевистских мифов), с другой – отдельные элементы качества нового состояния исторической мысли. Главным положительным итогом являются расширение источниковой базы исследований и активизация региональных историков. Привитое в советские времена отчуждение от своего реального прошлого до сих пор дает о себе знать. Отсюда «поиск виновных», стремление к «поиску альтернатив» пугающему прошлому. Трудности преодоления советского видения революционного прошлого до сих пор сказываются на историографических процессах.

Mikhailov I.V. The Beginning and the Reasons of Escalation of the Civil War in Modern Russian Historiography.

Summary: *The subject of this article is researching of the main tendencies in modern historiography in reviewing the problems of Russian civil war. Analyzing great lot of works published during the last two decades, the author tries to find the answer to the most important question – who is responsible for unleashing of the most cruel civil war in human history.*

Ключевые слова

Историография, революция, контрреволюция, Гражданская война.

Keywords

Historiography, revolution, counter-revolution, civil war.

Примечания

1. Об этом см.: Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 343-345; Его же. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904-1921 и 1985-2002 годов // Acta Slavica Iaropica. Tomus XXII. 2005. С.98-101.
2. См.: Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917-1920-х годов. СПб., 2006. С.514-516.
3. Солженицын А.И. Размышления о Февральской революции // Российская газета. 2007. 27 февраля.
4. См.: Поликарпов В.Д. В чужом пиру похмелье // К истории русских революций: События, мнения, оценки. Памяти И.И.Минца. М., 2007.
5. Голдин В.И. Россия в гражданской войне: очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы. Архангельск, 2000; Верещагин А.С. Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917-1921 гг.). Уфа, 2001; Рыбников В.В., Казаков В.Г., Ипполитов Г.М. «Белое дело» в литературе и источниках. Историографическое исследование проблемы белого движения в гражданской войне в России (1917-1922 гг.). М., 2001; Гришанин П.И., Зимина В.Д. «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии. Пятигорск, 2008.
6. См.: Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998.
7. См.: Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000.
8. Кулешов С.В. Историк О.В. Волобуев: штрихи к творческому портрету. М., 2001. С. 83.
9. См.: Леонов С.В. Рождение советской империи: Государство и идеология, 1917-1922 гг. М., 1997.
10. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона» М., 2007. С. 151-201.
11. Власть народа. 1917. 27 октября.
12. См.: Октябрьский переворот. Факты и документы. С. 402-403.
13. Правда. 1917. 31 октября.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 43.
15. Еврейская неделя. 1917. № 43-44, 19 ноября. С.30, 36.
16. Игнатов Е.Н. Московский Совет в октябрьские дни // Октябрьское восстание в Москве. М., 1922. С.21.
17. Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1920. Т.1. М., 1997. С.110.
18. Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С.78, 93.
19. См.: Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов-на-Дону, 1995.
20. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.143, 145.
21. Михутина И. Украинский Брестский мир. Пути выхода России из первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской центральной рады. М., 2007. С.80.
22. Цит. по: Савченко В.А. Симон Петлюра. Харьков, 2004. С.107.
23. Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У двох томах. Т.2. 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. Київ, 1997. С.14-15.
24. Wade R.A. The Russian Revolution, 1917. Cambridge (Mass), 2000. P.297-298.
25. Известия ВЦИК. 1918. 4 января.
26. Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве. М., 1998. С.274.
27. Известия ВЦИК. 1918. 5 января.
28. См.: Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 г. М., 1976. С.383.
29. См.: Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917. М., 1990.
30. См.: Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т.1. С.286; Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т.2. С.199.
31. См.: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 224-225.
32. См.: Гиппиус З. Черные тетради // Звенья. Вып.2. С.43-46.
33. Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917-1920. Т.1. М., 1997. С.131, 133, 134.
34. Папков А.И. Реконструкция исторических событий как основа проектирования музейной экспозиции (польский запасный полк в Белгороде. 1917 г. // Проблемы теории, истории и методики музейной работы / Музейное дело. Сборник научных трудов. Вып.27. М., 2002. С.50-51.
35. Власть народа. 1917. 6 декабря.
36. Наш век. 1917. 29 декабря.
37. Лацис Я.Я. Ликвидация контрреволюционного выступления польских легионеров в начале 1918 года // Под красным знаменем Октября. Воспоминания участников революционных событий в Белоруссии в период Великого Октября. Минск, 1987. С.187-188.
38. Савченко В.А. Симон Петлюра. С.132.
39. Новые ведомости. 1918. 29 января.
40. См.: Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. № 11. С.126.

41. Очиров У.Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917-1920 гг.). Элиста, 2006. С.184-189.
42. Raleigh D. Experienced Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922. Princeton, Princeton University Press, 2002. P.94, 105.
43. Уильямсон Х. Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919-1920. М., 2007. С.85.
44. См.: Поликарпов В.Д. Другая сторона буденовской легенды // Гражданская война в России. События, мнения, оценки.
45. См.: Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006.
46. См.: Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск, 1995.
47. См.: Полторак С.Н. О некоторых тенденциях в изучении Гражданской войны в России и деятельности РККА в так называемый межвоенный период // Клио. СПб., 1999. № 2.
48. Федюк В.П. Современные тенденции в изучении истории гражданской войны // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С.35.
49. Ушаков А.И. Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны. М., 2004. С.93.
50. Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). М., 2005. С.185-186.
51. Сергийчук В.С. Погромы в Україні: 1914-1920. Від штучних стереотипів до гіркої правди, приховуваної в радянських архівах. Київ, 1998.
52. См.: Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009.
53. Там же. С. 19-28, 33.
54. Там же. С. 47-49, 126.
55. Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918-1920 гг. СПб., 1999.
56. Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917-1920 г.). М., 2003, 2009.
57. Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917-1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000.
58. Константинов С.И. Вооруженные формирования противоборствующих правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997.
59. Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003.
60. См.: Белая Россия. 1917-1922 гг. Фотоальбом. М., 2003.
61. См.: Абинякин Р.М. Психология соперничества» как разобщающий фактор Белого движения // Проблемы исторической психологии и взаимодействие мировоззрений в истории. Орел, 2002.
62. См.: Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX - начало XX века). М., 2003.
63. См.: Ижевско-Воткинское восстание. 1918. М., 2000.
64. См.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 – 1929. Экономическое положение и политический протест. СПб., 2000.
65. См.: Бакулин В.И. Решение продовольственной проблемы в Вятской губернии на завершающем этапе «военного коммунизма» // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т.2.
66. Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001.
67. См.: Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920-1922 гг. // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. 1998. №3.
68. См.: Сайсанов Д.С. Крестьянские восстания в Царевококшайском уезде в 1918 г. // Марийский археографический вестник. 1995, № 5.
69. См.: Есиков С.А., Канищев В.В. Специфика антигосударственного протеста крестьян (Тамбовская губерния 1861-1921) // Крестьяне и власть. Тамбов, 1995.
70. Яров С.В. Политическая психология крестьян при переходе к «военному коммунизму». (По материалам Северо-Запада России) // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып.2. СПб., 1995.
71. Кондрашин В.В. К вопросу о крестьянском движении в Советской России в 1918-1921 гг. // Дискуссии по истории Отечества. Симферополь, 1997.
72. Шишкин В.И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997.
73. Икэда Е. Большевицкая политическая культура и деревня (1920 г. в Московской губернии) // Право, насилие, культура в России.
74. Телицын В.Л. // Бунтующий землепашец. 1917-1920 гг. Пути историографической идентификации проблемы // Гражданская война в России: События, мнения, оценки. С.591.
75. Ушаков А.И. Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны. С.95.
76. См.: Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006.
77. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.
78. Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917-1921 годов. М., 2003.
79. Пылькин В.А. Крестьянство Центра России в гражданской войне. Общественно-политические настроения, социальные процессы, протест. Рязань, 2005.